

Уже этот спор имел, по-видимому, известное политическое значение — участниками его предстояло потом вновь принять участие в ряде политических конфликтов; но в «большую политику» монастырь оказался втянутым в связи с другим конфликтом — с архиепископом ростовским Вассианом.

Как начался этот конфликт? Летопись, сочувствующая ростовскому владыке, приписала инициативу в «брани», возникшей в 1478 г., игумену Нифонту и связанным с ним «высокоумным чернецом», по словам этой летописи, «чернеци», возглавляемые Нифонтом, «научиша князя Михаила, князь же Михайло начат митрополиту говорити о том»; митрополит «повинуся князю Михайлу и грамоту даст ему»; но в дело вмешался великий князь и указал «ведати» Кириллов монастырь «ростовскому архиепископу».⁶ Наряду с ростовской летописью о событиях 1478 г. сообщает и другой источник с диаметрально противоположной тенденцией — правая грамота митрополита Геронтия, предоставляющая «князю Михайлу Андреевичу Кириллова монастыря игумена судити по старине». Расходясь с летописным рассказом в оценке этого эпизода (согласно грамоте инициатором спора был Вассиан, «вступившийся» в «князь Михайлов в Кирилов монастырь»),⁷ грамота, однако, не дает оснований сомневаться в том, что исход спора и расстановка сил описаны летописью правильно. Сперва, как указывает и летописный рассказ, митрополит выдал «грамоту» Михайлу (очевидно, ту самую, которая до нас дошла), но затем вмешался Иван III и решил спор в пользу Вассиана.⁸ Позиции великого князя и митрополита в этом случае полностью разошлись: Иван III был на стороне ростовского архиепископа, Геронтий — на стороне монастырской верхушки и удельного князя.

Первый акт борьбы кончился в пользу великого князя и ростовского архиепископа. Но борьба на этом не прекратилась, напротив, она перешла в Москву и приняла характер прямой распри между князем и митрополитом. В 1478—1479 г. между главой церкви и государства возник теоретический спор (возобновившийся в 1482 г.) о том, как нужно совершать обряд освящения новых церквей, в большом количестве построенных в эти годы на Москве. И в этом случае архиепископ ростовский Вассиан Рыло (а после его смерти в 1481 г. преемник его, архиепископ Иоасаф) оказался на стороне Ивана III. Поддержал великого князя и архимандрит Чудова монастыря Геннадий Гонозов. Летопись, близкая к Геронтию, утверждает, что столкновение кончилось в его пользу: в 1482 г. митрополит демонстративно покинул престол, и напуганный князь «сам ехав и би ему челом, моля да возвратится на стол свой, а сам во всем виноват сотворися»; спустя некоторое время митрополит (несмотря на попытку заступничества со стороны великого князя) сумел расправиться и с архимандритом Геннадием.⁹ Можно, однако, сомневаться в том, что исход столкновения 1478—1482 гг. был так удачен для митрополита, как это изображает сочувствующий ему летописец. Выступление Ивана III против митрополита в Москве сопровождалось не менее решительным его выступлением на

⁶ ПСРА, XXIV, стр. 197. Ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 191—194.

⁷ Н. К. Никольский. Правая грамота митрополита Геронтия. СПб., 1895, оттиск из ПДП, СХІ.

⁸ Третий источник, сообщающий о борьбе Нифонта с Вассианом, — одно из посланий Иосифа Волоцкого — относит первую ссору Нифонта с Вассианом (из-за дуги, которую Нифонт отказался дать «десятинику архиепископлю») к значительно более раннему времени, когда митрополитом был Филипп I (1464—1473). (Q. XVII. 64, лл. 226 об — 227).

⁹ ПСРА, т. VI, стр. 221—222 и 233—234.